

Я решил пойти следом, хотя и не вошел до конца. Охранников снаружи не было, возможно, потому, что они не хотели никого предупреждать о происходящем, поэтому я подкрался к одной из небольших боковых дверей и медленно открыл ее, заглядывая внутрь.

С такого ракурса было нелегко понять, что происходит. Я видел только своих студентов, стоящих рядами в пустом ангаре, освещенном двумя мощными лампами на потолке. Они не двигались и смотрели на что-то с другой стороны.

Кто-то соорудил что-то вроде деревянного подиума или платформы, и на ней, похоже, стояли четыре человека. Трое взрослых, двое из них были одеты в черный камуфляж и держали в руках винтовки, а третьей была женщина в фиолетовом костюме и темных очках.

«Вы хорошо их рассмотрели? Были ли какие-нибудь знаки отличия на костюме женщины?»

[Мой голос, должно быть, выдал меня, потому что Гораций был поражен тем, как напряжен он был].

Я... не знаю. Там было трудно разглядеть, и я отвлекся на что-то другое, что увидел. Простите.

«Это... хорошо. Пожалуйста, продолжайте».

[Он улыбается и смотрит вниз, и я вижу, что он не хочет. Но, должно быть, он откуда-то набирается смелости, потому что после нескольких секунд сомнений он снова заговаривает].

Я... видел ее в последний раз, потому что она была не такой высокой, как окружающие ее люди. Я, наверное, издал какой-то крик или вопль, и просто чудо, что никто внутри меня не услышал.

На платформе стояла Клэр, и ее состояние едва не довело меня до слез. Ее одежда была изношенной и грязной, как будто она не переодевалась с момента исчезновения. Ее тонкие ноги шатались, а колени были в синяках и крови. На нижней губе у нее был порез, а по щекам текли сухие слезы.

Она выглядела пустой и несчастной. Что бы с ней ни случилось, что бы ни делали эти люди, это явно сломило ее дух. Она, казалось, не замечала ничего вокруг, словно для того, чтобы оставаться в сознании, ей требовалось усилие, на которое она была едва способна.

Я почувствовал, как мой желудок горит от ярости, но я был слишком шокирован, чтобы отреагировать, и это, вероятно, спасло мне жизнь. Если бы я вошел в этот момент, двое охранников застрелили бы меня. С другой стороны... возможно, это дало бы детям возможность сбежать.

Как бы то ни было, из ступора меня вывел женский голос. Она посмотрела на странные часы

на своем запястье и прочистила горло, прежде чем заговорить:

«У нас мало времени. Мы должны пройти все тесты до того, как их родители поймут, что они пропали», - сказала она. «Первый тест: Проверить, достиг ли их резонанс максимального потенциала».

И вот так, как будто это было в порядке вещей, женщина подошла к Клэр и ударила ее по лицу.

Это была самая отстраненная и деловая пощечина, которую я когда-либо видел. Клэр приняла ее и отвела голову в сторону, грозясь упасть. А через секунду все дети вздрогнули и приложили руки к щеке, по которой ее ударили. Я тоже это почувствовал, хотя это было не более чем легкое неудобство.

Дети, похоже, были так же ошеломлены, как и она, потому что никак не отреагировали. Я предполагаю, что они, должно быть, дали бедной девочке какой-то наркотик, и резонанс передался остальным, но... Я бы предпочла не думать об этом.

Женщина кивнула и что-то напечатала на своих маленьких часах с таким видом, словно это был для нее очередной рабочий день. Затем она подошла к одному из своих товарищей и протянула руку, словно ожидая чего-то. Я видел, как мужчина на мгновение замешкался, а затем достал из кармана небольшой нож и протянул ей.

«Далее мы проверим более глубокую рану», - сказала она себе. «Посмотрим, как отреагирует нервная система реципиента».

В этот момент я почувствовал, как по позвоночнику пробежала страшная дрожь, и понял, что будет дальше. Женщина подняла нож и направила его на Клэр, словно раздумывая, какую часть тела заколоть первой. Должно быть, гнев внутри меня пересилил страх, потому что в следующее мгновение я уже выбивал дверь и входил внутрь, как будто не имел ни малейшего представления о том, что делаю.

Первыми отреагировали охранники: увидев меня, они подняли оружие, но не стали стрелять. Женщина несколько раз моргнула и повернулась ко мне, я помню ее лицо, как будто это было вчера. Эти ужасные голубые глаза, эти тонкие губы и брови, складывающиеся в выражение удивления и гнева...

Как я уже сказал, у меня не было никакого плана, и когда я это понял, то просто замер. Я знал, что нахожусь в нескольких секундах от выстрела, что в тот момент, когда удивление женщины исчезнет и она прикажет своим охранникам атаковать, все будет кончено.

Или так бы и случилось, если бы Клэр не было рядом.

[Я стараюсь не упоминать о внезапной влаге в глазах Горация.]

Раньше я думал, что во всем виноват я. Теперь я не знаю... может быть, я бы вел себя иначе... но, честно говоря, я понятия не имею. Я никогда не был решительным или храбрым, я никогда не был похож на своих учеников. И в конце концов, Клэр должна была страдать...

Должно быть, она вышла из оцепенения ровно настолько, чтобы осознать происходящее. Охранник рядом с ней отвлекся и не заметил, как она выхватила пистолет из кобуры на его бедре. Я видел, как она подняла пистолет, как эти люди повернулись к ней и... у них не было времени, и я подумал, что она собирается их застрелить...

И... Я до сих пор не знаю, почему она это сделала. Может, ей действительно было так больно? Понимала ли она последствия своего поступка? Я сомневаюсь в этом, и все же мне интересно...

Клэр поднесла ствол пистолета ко лбу и нажала на курок. После взрыва прошла секунда, когда я ничего не почувствовал, а просто увидел, как ее тело падает назад, словно в каком-то кошмаре. То, что я видел, не могло быть реальностью, и это меня как-то успокаивало. По крайней мере, до тех пор, пока не наступила боль.

Мне показалось, что мне рассекли лоб, и я упал на колени, закричав и застонав. Не было ничего, кроме этой агонии, этой жгучей раны в голове, которой на самом деле не было и которая, как я знал, никогда не исчезнет. Я хотел умереть, хотел, чтобы кто-нибудь из мужчин застрелил меня и избавил от страданий, и тогда все будет в порядке. В глубине души я подумала: если так чувствую себя я, то что будет с другими детьми?

Как насчет моих учеников?

Мне не пришлось долго ждать, чтобы узнать это. Боль утихла через несколько секунд, хотя я все еще чувствовал последствия в нервах, как изображение, которое застревает в глазах, когда их закрываешь после долгого пребывания на источнике света.

Я с трудом поднялся на ноги и увидел, что они не потрудились ни выстрелить в меня, ни сказать что-нибудь. Женщина и два ее охранника побежали к выходу, и, когда я снова смог видеть достаточно хорошо, я понял, почему.

Мои ученики упали на землю, как тряпичные куклы. Они лежали неподвижно, широко раскрытыми глазами глядя в пустоту. К счастью, они еще дышали, но этого нельзя было сказать о теле, лежащем на деревянной платформе и залитом кровью.

[Я слышу его тяжелое дыхание, когда он замолкает. Его лицо стало чрезвычайно бледным, его нарушали лишь редкие слезы.

Я жду почти целую минуту, прежде чем заговорить].

«Что случилось после этого?»

Я сбежал. Я вернулся в свой дом, собрал самые важные вещи, положил все в машину и уехал из города, чтобы никогда не вернуться.

«Просто так?»

Просто... просто так. Я был слишком подавлен, слишком напуган и все еще чувствовал боль, пульсирующую в голове, хотя она и притупилась. Часть меня понимала, что есть шанс, что меня обвинят в случившемся, но я был не в том состоянии ума, чтобы рассуждать логически, и причина моего бегства была полностью продиктована ужасными и эгоистичными человеческими инстинктами. Я стал трусом, каким меня воспитал мой вид, и попытался спасти свою шкуру.

Я ехал, пока не кончился бензин, и поехал дальше. Я никогда не возвращался назад, и только через несколько лет у меня хватило смелости провести расследование. Что... что случилось с детьми...

[Гораций не может продолжить, хотя я понимаю, что он имеет в виду.

Из группы детей, найденных в том ангаре на следующий день, только пятеро смогли частично восстановиться спустя много лет. Большинство не восстановилось, а некоторые из самых маленьких получили слишком серьезные повреждения мозга, чтобы даже пытаться их восстановить].

«Мне жаль, что так вышло, Хорас. Если тебя это утешит, я не виню тебя за то, что ты убежал. Если бы ты этого не сделал, тебя бы наверняка убили».

Возможно, это даже лучше... Я стараюсь забывать об этом каждый день. Я не работал в церкви с тех пор, потому что знаю, что недостойн. Я ничего... ничего не могу сделать сейчас. Я должен был действовать тогда. Раньше я думал, что то, что я чувствовал в том ангаре, - самое худшее, что может испытать человек, но я ошибался. Нет ничего больнее, чем сожаление.

[Горацию требуется несколько минут, чтобы прийти в себя. Он извиняется за свое поведение и говорит, что это все, что он может мне сказать.

Я несколько раз благодарю его за то, что он благословил меня на это интервью, и изо всех сил стараюсь убедить его в том, что оно изменит ситуацию к лучшему.

Я стараюсь скрыть, что не знаю, правда это или нет].

<http://tl.rulate.ru/book/115544/4520956>